

ОТЗЫВ

**на диссертацию Шульги Даниила Петровича
«Археологические культуры Северного Китая в раннем железном веке»,
представленную к защите на соискание ученой степени кандидата
исторических наук по специальности 07.00.06 – археология**

В раннем железном веке степи Евразии представляли собой единый историко-культурный регион, отдельные части которого были тесно связаны между собой. И для того, чтобы составить общее представление о его истории, необходимо иметь объективные данные о населении отдельных его частей и характере, протекавших здесь этнокультурных процессов. В современной отечественной исторической науке сложилось отчетливое понимание того, что исследование культур ранних кочевников центральной и западной части евразийского степного коридора невозможно без обращения к культурам раннего железного века Синьцзяна, Северного и Северо-Восточного Китая. Однако, отсутствие обобщающих работ по археологическим культурам I тыс. до н. э. этих территорий, малая доступность материалов на китайском языке делает такое обращение весьма затруднительным. Все это определяет несомненную актуальность диссертационного исследования Д. П. Шульга, посвященного археологическим культурам VI–III вв. до н. э. Северного Китая.

Новизна диссертационного исследования Д. П. Шульги бесспорна и заключается в том, что в научный оборот вводится значительный объем нового систематизированного археологического материала, прежде не доступного русскоязычному исследователю в полном объеме. Автор на основе анализа большого количества публикаций на китайском языке дает достаточно полную характеристику археологических культур Северного Китая (шацзин, янлан, маоцингоу и группы памятников таохунбала), рассматривает хозяйство и социально-политическую организацию носителей этих культур, поднимает проблему их этнической атрибуции.

На защиту автором выносятся пять положений, каждое из которых обосновывается в диссертации на основании широкого круга опубликованного археологического материала, привлечения музейных коллекций, письменных свидетельств древних авторов и этнографических данных по кочевникам Центральной Азии. Основательность подхода Д. П. Шульги к проработке большинства затронутых аспектов заявленной темы свидетельствует о его научном профессионализме. Достоверность основных выводов и результатов диссертационного исследования не вызывает сомнения и подтверждается как корректным использованием научных подходов и методов, так и весьма представительной источниковой базой.

Научная значимость проведенной работы заключается в значительном расширении наших знаний о культурах ранних кочевников Северного Китая, являющегося одним из ключевых регионов для понимания этнокультурных процессов, протекавших на широких просторах евразийского пояса степей. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих научных работ, учебных пособий и лекционных курсов по археологии и древней истории Евразии, в музейной и просветительской работе.

Структура диссертации, на наш взгляд, логична, последовательна и полностью соответствует требованиям квалификационной работы. Она состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложения. Объем используемой и представленной в диссертации информации свидетельствует о тщательной работе с литературой и источниками. Обширное приложение, состоящее из 81 рисунка иллюстрирует основные положения диссертации.

В соответствии с требованиями во введении убедительно обоснована актуальность темы, ее новизна, цель и задачи, объект и предмет исследования. Здесь же определены территориальные и хронологические рамки работы, методология и методы исследования, его источниковая база.

Диссертанту в полной мере удалось реализовать поставленные в исследовании цель и задачи, что нашло отражение в структуре диссертации, а также логичности и аргументированности выводов.

При безусловном принятии основных положений исследования и его общей положительной оценки отметим, что диссертация Д. П. Шульги не свободна от некоторых неясностей и спорных вопросов, что вполне объяснимо для работы такого масштаба.

В диссертационном исследовании Д. П. Шульги дважды (с. 6, 145) постулируется, что «обилие и разнообразие керамических изделий в Синьцзяне, при крайней скудности находок подобного рода в Северном Китае» может служить показателем существенных хозяйственных различий. На наш взгляд, это утверждение достаточно спорно и требует дополнительного обоснования. Так в погребальных памятниках ранних кочевников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана VII – первой половины VI вв. до н. э. керамика вообще отсутствует. В памятниках же второй половины VI–V вв. до н. э. ее достаточно много. И это при том, что тип хозяйства (кочевое скотоводство) оставался неизменным. Вероятнее всего наличие или отсутствие сосуда в могильной яме является показателем различий в погребальной практике, а не различий в хозяйственной деятельности.

Не могу согласиться и с тезисом о том, что одним из центров скифоидных культур, откуда они в (IX) VIII вв. до н. э. стали распространяться в Туву, Алтай и Казахстан была Минусинская котловина (с. 114). На наш взгляд, нет никаких убедительных данных и для утверждения о том, что «уже в середине VII в. до н. э. наблюдается мощное движение групп населения из Казахстана на Алтай, Туву и опосредованно в Минусинскую котловину» (с. 114–115). Как представляется, для этого времени мы можем лишь констатировать наличие разнообразных и достаточно устойчивых, в том числе и матримониальных, связей между населением этих регионов и не более.

Не совсем корректен, на наш взгляд, вывод о том, что в Нинся и Ганьсү «преобладало овцеводство; коневодство и разведение крупного рогатого скота было второстепенным», сделанный на основе находок в погребениях (с. 94).

Мы, к сожалению, не знаем каков был принцип отбора жертвенных животных у древнего населения указанных территорий и отражал ли он реальное соотношение животных в стаде. Правда Д. П. Шульга отмечает, что «данные хроник Сыма Цяня, Фань Е и других еще раз подтверждают мнение о возможности соотнесения числа останков жертвенных животных в погребениях с реальным составом стада» (с. 94), но при этом данные эти он нам не сообщает.

Вызывает сомнения и тезис автора о том, что «коровы нередко оставались в постоянных поселениях под надзором женщин, в то время как мужчины выпасали лошадей относительно далеко» (с. 97). Хотелось бы, чтобы диссертант привел данные этнографии, подтверждающие этот тезис. Обычно женщины ухаживали за скотом (доили, подкармливали, выхаживали и т. п.), когда скот пригонялся с пастбищ на поселение или оставался там по тем или иным причинам. Но вот выпасали крупный рогатый скот, также как овец и лошадей, как правило, мужчины.

Не вполне убедителен вывод диссертанта, опирающегося на исследование китайский коллег, о том, что происхождение остроконечных головных уборов связано с Ближним Востоком, откуда они в VI в. до н. э. попадают к скифам, сакам, представителям ананьинской культуры, а затем «около IV в. до н. э. в степную зону Китая» (с. 115). Скорее всего, головной убор этого типа, в силу простоты его конструкции и технологии изготовления, а также функциональности, был широко распространен и не имел единого центра происхождения. Кстати северные провинции Персидской империи были не в Малой Азии (с. 114), а в Центральной (Средней) Азии, куда входили Маргиана, Согдиана, Хорезм.

Среди материалов Маоцингоу встречены бронзовые трехлопастные наконечники стрел со скрытой или выступающей втулкой (тип 1; рис. 71, 12), которые, по мнению Д. П. Шульги, относятся к местным формам (с. 85). С этим утверждением трудно согласиться, ибо такие наконечники имеют многочисленные аналогии в памятниках ранних кочевников Евразии.

На с. 112 диссертант отмечает, что чеканы распространены у савроматов, саков, представителей саргатской культуры. Хотелось бы уточнить в каких памятниках культуры савроматов, занимающей территорию между Волгой и Доном, и саргатской культуры Западной Сибири найдены бронзовые чеканы?

Некоторое замечание к структуре параграфа 1.2 диссертационного исследования, посвященного специфике китайских летописных источников. В начале параграфа автор перечисляет привлекаемые источники, затем характеризует «Военный трактат Чжугэ Ляна». И только на третьей странице мы можем догадаться о критериях выбора источников. На наш взгляд, четко обозначенные критерии отбора источников должны были быть в самом начале этого параграфа.

На наш взгляд, при описании погребальных конструкций и инвентаря памятников одной культуры необходимо придерживаться определенной схемы. В противном случае неизбежны пропуски тех или иных признаков. Так, при описании могильника Хамадунь не говорится о форме могильных ям и положении погребенных (с. 29–30). Достаточно жесткая схема должна быть и при описании культур. Однако, в диссертации, к сожалению, такая схема исследования отсутствует, что, на наш взгляд, затрудняет сравнение культур раннего железного века Северного Китая.

Диссертант поддерживает предположение «о двух «провинциях» («общностях») скифо-сибирского мира» – «центральноазиатской и восточной»: Рубеж между ними пролегал, по мнению Шульги, примерно по современной границе Синьцзяна и Ганьсу» (с. 145). В то же время «скифоидные культуры, представители которых жили на территории современного Ганьсу, в автономных районах Нинся и Внутренняя Монголия», образовывали самую восточную «провинцию» скифского мира» (с. 145). Следовательно, следуя логике, имелась еще одна (просто восточная) провинция. И где тогда она находилась?

На с. 30 в начале описания могильника Сиган автор отмечает, что «это своеобразный эталон». Но эталон чего – не говорится. Вероятно, исходя из контекста параграфа, эталон погребального обряда культуры шацзин.

На с. 33: «В захоронениях также намного чаще встречаются бронзовые изделия...», но в каких захоронениях, к сожалению, не уточняется. Подпараграф «Хронология и этнокультурная принадлежность» начинается предложением «На раннем этапе исследования она была выделена в основном по поселенческим материалам...». И лишь учитывая контекст параграфа 2.1 Культура шацзин, мы можем догадаться о какой культуре идет речь.

Разделяя, вслед за китайскими коллегами, культуру янлан на три этапа, Д. П. Шульга дает датировку ее среднего и позднего этапов – V в. до н. э. (с. 46) и IV–III вв. до н. э. (с. 47) соответственно. Но датировка (в веках) первого этапа отсутствует.

На с. 62 при описании могильника Таохунбала Д. П. Шульга отмечает «Керамика отличается своеобразием». Однако в чем заключается это своеобразие не говорится.

Хотелось бы обратить внимание диссертанта на корректное использование терминов. В противном случае мы получаем обороты типа «Особенно близкими они [связи – А.Т.] должны были быть у населения Минусинской котловины с культурой плиточных могил Монголии» (с. 18). Связи у населения могут быть с носителями культуры, а не с самой культурой.

На этой же странице мы читаем «многие исследователи не оставляют попыток найти в карасукской культуре истоки скифского искусства, что вполне естественно, поскольку последнее следует непосредственно за «карасукским» во времени и на той же территории». Далее следует замечание, что культура оленных камней соединяет карасукскую и скифскую «эпохи и культуры к северу и югу от Монголии». Но в Северном Причерноморье, где обитали скифы, памятников карасукской культуры, насколько нам известно, нет. И скифской культуры ни к северу, ни к югу от Монголии нет. Все становится на свои места, если мы будем говорить о истоках искусства скифо-сибирского звериного стиля, и культурах ранних кочевников или культурах раннескифского или скифского времени «к северу и югу от Монголии».

На с. 99 мы встречаем выражение «хозяйственный тип культуры», «у этих общностей довольно много близкого в материальной культуре,

искусстве, погребальном обряде и, в некоторой степени, в антропологии». Вероятно, речь здесь должна идти о населении той или иной территории или носителях культур. На с. 119 встречаются обороты «люди маоцингоу», «население маоцингоу», «носители маоцингоу» без каких либо оговорок об условности этих конструкций. Как представляется, археологические жаргонизмы не следует переносить в научные работы.

Есть и неточности в тексте. Так на с. 84 говорится, что в маоцингоу найдено пять кинжалов с антенным навершием, но на рисунке их семь (рис. 66, 1–7). В тексте работы указано, что у кинжала из М60 «перекрестие прямое, слабо выраженное» (рис. 66, 4), однако, судя по рисунку, оно далеко не прямое. На с. 113 упоминается «колонна с фигурой самого Мардук-апла-иддина I», но судя по рисунку 73, 11 перед нами не колонна, а плита с изображением.

К сожалению, в тексте имеются стилистические погрешности, погрешности есть и в оформлении библиографического списка, который, почему-то, не сопровождается списком сокращений.

Отмеченные замечания, впрочем, ни в коей мере не умаляют значения представленной Д. П. Шульгой работы. Вне всякого сомнения его диссертационное сочинение «Археологические культуры Северного Китая в раннем железном веке» является оригинальным и самостоятельным научным исследованием, подготовленным на высоком профессиональном уровне. Опираясь на широкий и представительный круг археологических и письменных источников, отечественной и зарубежной литературы, прежде всего китайской, диссертация освещает актуальную тему, имеющую чрезвычайно важное значение для решения проблем истории ранних кочевников Евразии.

Результаты диссертационного исследования прошли достаточную апробацию на всероссийских и международных конференциях. Основные положения диссертации отражены в двух монографиях и 17 научных статьях, в том числе в 7 статьях в изданиях из Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Содержание автореферата полностью соответствует основным положениям диссертации.

Учитывая актуальность выполненного исследования, научную новизну и практическую значимость полученных результатов считаю, что представленная диссертация соответствует требованиям пунктов 9–14 положения «О порядке присуждения учёных степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, и её автор Шульга Даниил Петрович может быть рекомендован к присуждению учёной степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Официальный оппонент,
директор Научно-образовательного
центра евразийских исследований, профессор
кафедры международных отношений и
зарубежного регионоведения
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский
государственный университет
(национальный исследовательский
университет)», доктор исторических наук
по специальности 07.00.06 – археология
Таиров Александр Дмитриевич

26 ноября 2018 г.

Россия, 454080 Челябинск, проспект Ленина, 76. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Тел.: +7 (351) 267-99-00; e-mail: admin@susu.ru

